

Китанина Элла Анатольевна

доктор филологических наук,
профессор кафедры математических,
гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Российского государственного
социального университета
dom-hors@mail.ru

Божинская Татьяна Леонидовна

старший преподаватель кафедры математических,
гуманитарных и естественнонаучных дисциплин
Российского государственного
социального университета
dom-hors@mail.ru

**ПРОБЛЕМА НЕОДНОРОДНОСТИ
ОБЩЕСТВА И СОЦИАЛЬНАЯ
ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ЯЗЫКА
НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ**

Аннотация:

В статье сделана попытка решить проблему социальной дифференциации лексических заимствований на фоне современных языковых процессов конца XX – начала XXI в.

Ключевые слова:

концептосфера, ассимиляция, билингвизм, изолированность, диффамация.

Kitanina Ella Anatolievna

Doctor of Philology,
Professor of Mathematics, Humanitarian
and Natural Sciences Department,
Russian State Social University
dom-hors@mail.ru

Bozhinskaya Tatyana Leonidovna

Senior lecturer Mathematics, Humanitarian
and Natural Sciences Department,
Russian State Social University
dom-hors@mail.ru

**PROBLEM OF DIVERSE SOCIETIES
AND SOCIAL DIFFERENTIATION
LANGUAGE AT THE TURN OF
XX–XXI CENTURIES**

Summary:

The article is an attempt to solve the problem of social differentiation-existence of lexical borrowing against modern linguistic processes of the late XX – early XXI century.

Keywords:

conceptosphere, assimilation, bilingualism, of isolation, defamation.

Этническая общность формируется в первую очередь как языковая группа, характер общества связан с чувством родного языка, но культурные концепты не представляют собой однородного явления, поскольку различаются по принадлежности тому или иному социальному слою общества. Если в обществе выделяются четко очерченные социальные группы, то различаются и концептосферы этих групп. Есть концепты, объединяющие большие группы людей по возрастному, гендерному, образовательному, сословному признакам, и концепты, идентифицирующие малые группы носителей той или иной субкультуры [9, с. 121]. По-разному интерпретируются в различных общественно-политических условиях и различными социальными группами концепты «свое/чужое».

Показателем «чужого» является, естественно, иностранный язык. Преодоление «чужеродности» достигается билингвизмом. Хорошо известно, что почти два века русской истории прошли под доминирующим влиянием французского языка, которое граничило с галломанией. В Петровскую эпоху насущная потребность в повышении образовательного и культурного уровня, наряду с процессами переустройства административной системы, реорганизацией морского дела, развитием торговли, освоением различных областей науки и техники, определили огромное влияние западных идей и, следовательно, западных языков. «При отрыве от культуры Средневековья естественно было излишнее увлечение европеизмом», – писал В.В. Виноградов [5, с. 43].

В России XVIII в. сложились благоприятные условия для французского влияния: комплекс мер, направленных на ликвидацию политической, экономической и культурной отсталости России; лидирующее положение Франции среди других стран Европы в области экономики, социальной сферы, развития литературы и культуры; условия движения и развития русского общества, потребность в образовании; состояние русского литературного языка и латыни, не способных быть средством светского общения; наконец – фигуры русских царей Петра I, Елизаветы и Екатерины II – три этапа сближения русской общественной среды с европейской культурой.

Французский язык стал посредником в установлении контактов русской и европейской интеллигенции. Французский язык выполнял не только функцию средства общения, но и служил

обогащению русского языка. По утверждению В.А. Богородицкого [3, с. 339], обзор «предметных группировок» французских заимствований показывает: французское влияние настолько широко и глубоко захватило русскую жизнь, что заимствованные французские слова относятся почти ко всем сферам русской жизни – к области искусства и литературы, государственной жизни, военному и морскому делу, к сфере путей сообщения, торговли, промышленности и производства, к сферам общественной жизни, быта, моды и т.д.

К концу XVIII в. процесс европеизации русского языка, осуществлявшийся при посредстве французской культуры литературного слова, достиг высокой степени развития. Старокнижная культура вытесняется новоевропейской. Влияние французского языка было двояким: с одной стороны, сам французский язык становится официальным языком придворных аристократических кругов, языком светских салонов. В XVIII–XIX вв. аристократических кругов, языком светских салонов. В XVIII–XIX вв. «не знать по-французски стыдно». А с другой стороны, влияние это состояло в том, что в русский язык из французского приходит огромное количество заимствований, многие из которых легко и быстро ассимилировались – стали семантически, фонетически и грамматически освоенными в русском языке. Сравните: «В ситуациях неофициального общения французская лексика проникает более свободно, даже при наличии выбора русских лексических средств, что связано с одной из функций французского языка в России как индикатора принадлежности к высшему сословию.

Часто наблюдается автоматическое переключение на французский язык. При этом далеко не все случаи связаны с дополнительным смыслом, чаще – с лингвистическими нормами, принятыми в обществе того времени.

Отмечено также использование французской лексики в качестве своеобразного кода информации, предназначенной для узкого круга лиц» [13, с. 16].

Переключение кода (переход с русского на французский, и наоборот) в условиях дворянского билингвизма XIX в. детерминировалось социальными ролями. Как известно, А.С. Пушкин выучил французский раньше русского и в Лицее имел прозвище «француз». Однако письма в большинстве случаев писал по-русски. По-французски – официальные послания (Бенкендорфу, вызовы на дуэль) и письма к женщинам (согласно этикетным нормам того времени); русский язык использовал в случае близких, доверительных отношений. Родственникам, друзьям Пушкин писал только по-русски. Наталье Гончаровой как невесте он писал по-французски, как жене – только по-русски (при том, что остальным своим корреспондентам (не близким) по-прежнему отвечал по-французски) [см. подробнее 2, с. 353–355].

Интересно отметить, что, если в России XIX в. французский язык был индексом принадлежности к высшему обществу, то в начале XX в., в связи с расширением социальной базы тех, кто претендовал на высокий статус, уровень общего знания французского языка сильно упал по сравнению с французской речью эпохи «Войны и мира». Как отмечает В.И. Карасик, стала важнее не степень усвоения языка, а то социальное значение, которое французскому языку приписывалось. Это значение было особенно велико для того, кто плохо владел французским языком [8, с. 35]. У. Вайнрайх писал: «В обществах с высоким уровнем социальной подвижности, где исчезли социальные диалекты как таковые, особый аристократический лексикон может служить паролем общественной элиты, но он обречен на постоянную изменчивость. Часть спроса на обновление словаря может удовлетворяться неологизмами внутреннего происхождения. Но особенно богатый и свежий материал может быть почерпнут из иностранных языков» [4, с. 24].

В связи с крупными социальными сдвигами, происшедшими в русском обществе после Октябрьской революции 1917 года, с коренной ломкой и перестройкой всего социального уклада язык должен испытывать острую потребность в новых лексических средствах. Эта потребность действительно существовала, но удовлетворялась она не путем заимствования иноязычной лексики, а за счет использования собственных ресурсов. Как отмечают авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество», процесс заимствования в этот период не прекратился совершенно, но стал значительно слабее; новые иноязычные слова немногочисленны, в целом они периферийны по отношению к основному ядру новой лексики. И эти явления имеют социальную обусловленность. К социальным причинам в этой монографии вполне справедливо отнесены следующие: вынужденная изолированность нашей страны, сознательное противопоставление себя, своего государства всему буржуазному миру, слабые экономические и культурные связи с другими государствами, преобладание внутренних проблем над внешними [17, с. 81–82].

Именно поэтому заимствование новой иноязычной лексики в этот период выражено чрезвычайно слабо и носит случайный характер. Лишь в некоторых речевых жанрах процент иноязычных слов в этот период остается неизменным – в дипломатических и некоторых политических текстах, в целом же характерен спад интереса к европеизмам.

Изменился сам стереотип речевого поведения. «Уменьшение числа адресантов и адресатов, владеющих французским языком, или, точнее, теми богатствами языка, которые действительно достойны демонстрации, привело к тому, что демонстрация языковой компетентности стала все чаще вызывать к себе ироническое отношение», – отмечает М.Ю. Кириенко [10, с. 41]. Н.Д. Агафонова уточняет, что после революции демонстрация языковой компетентности становится не только нецелесообразной, но и опасной, поэтому «критики, рецензенты, писатели, журналисты, то есть те, кто непосредственно влиял на стереотипы речевого поведения, стали уже скрывать от читателей присутствие классического образования» [1, с. 68].

Авторы коллективной монографии «Русский язык и советское общество», опубликованной в 1968 г., пишут о том, что в 30-е гг. вновь активизировался процесс заимствования новых иноязычных слов для обозначения «новых объектов и отношений» [17, с. 83]. Однако хорошо известно и другое. Именно в это время иноязычное слово стало ассоциироваться с чем-то идеологически и духовно чуждым, даже враждебным. Особенно ярко это проявилось в конце 40-х гг. – во время борьбы с космополитизмом и низкопоклонством перед Западом. Сравните замечание Э.Ф. Володарской о том, что «в годы сталинского режима были созданы условия для ингибирования процесса заимствования иностранных слов» [6, с. 99].

С 80-х гг. наступает такой период в развитии нашего общества, когда преобладающим становится толерантное отношение к внешним влияниям вообще и к лексическим заимствованиям в частности. Такая предрасположенность российского общества к принятию новой иноязычной лексики обусловлена рядом причин.

Л.П. Крысин называет такие причины активизации употребления иноязычной лексики: осознание значительной частью населения России своей страны как части цивилизованного мира; преобладание в идеологии и официальной пропаганде объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных и нравственных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация на Запад в области экономики, политической структуры государства, в сферах культуры, спорта, торговли, моды, музыки и др. [12, с. 27].

Объясняя языковую ситуацию в постперестроечной России, одни авторы прибегают к параллелям с Россией 1917 г., когда радикальные изменения в обществе привели к не менее кардинальным изменениям в языке, другие соотносят современный период с эпохой Петра I, со временем «викторий», «коллегий» и «сатисфакций». Однако все эти параллели верны лишь отчасти.

В обществах эпохи постмодернизма деформации подвергается не только языковая норма, но и нормы этики, отношения государства и индивида и т.п. Все какие-либо значительные изменения в обществе и языке одновременно или почти одновременно. Хорошо известен факт лавинообразного заимствования в последние десятилетия. Сравните мысли Г.Ю. Скворцова о том, что нынешний поток чужеземцев в родную речь можно сравнить разве что со шквалом «ассамблей», «коллегий», «сатисфакций» и т.п., обрушившихся на наш дремавший дотоле язык при Петре I, так что впору бы воскресить адмирала Шишкова, воевавшего с европеизмами при Пушкине [18, с. 55–58].

Одна из языковых реакций на эту новацию – картина языкового смешения, стилевая пестрота. Данная реакция обусловлена как массовостью подобных новаций, так и их нерегулируемостью. Возможная параллель подобных стилевых смешений наблюдается в литературе и публицистике начала XVIII века, когда наличествовала подобная же межъязыковая (а иногда межстратовая) эклектика. Отличие стилевой эклектики настоящего момента от эклектики Петровской эпохи В.В. Кочетков видит в преобладании межстратовой эклектики над межъязыковой [11, с. 6–7].

Если у исконного слова прагматическая информация зачастую оказывается «впрессованной» в семантическую, то заимствование прагматично уже в силу своей иноязычной природы. А что касается французских заимствований, то по отношению к ним в высшей степени справедливо замечание В.А. Богородицкого: «большая часть заимствований относится к сфере а р и с т о к р а т и ч е с к о й ж и з н и (high life) – развлечений и комфорта [3, с. 330]. У многих из этих слов со времен Пушкина остается «ореол аристократического дендизма» [7, с. 93].

«Комильфотность» и «изысканность» многих кулинарных продуктов, называемых галлицизмами, позволяет обыгрывать реальную или мнимую причастность к «высшему обществу». Сравните: «Красная бурда» (см. Комсомольская правда, 30 августа 2003 г.) так описывает нравы в «суперпуперлицее им. К. Бандитидзе»: «Нередко уроки проводят известные местные барды-шансонье. Девочки на труде учатся различать белье от Клико Панель. В школьной столовой кормят воистину по-царски: фуа гра, фондю».

Отношение как адресата, так и самого адресанта к иноязычному слову из категории high life может быть различным. Если общеязыковые прагмемы воспринимаются более или менее однозначно (сподвижник – со знаком плюс, соучастник – со знаком минус) и это даже находит отражение в лексикографии (например, в лексикографических пометах типа «неодобр.», «презрит.» и под.), то прагматика анализируемой группы лексики создается прежде всего контекстными условиями.

Становится очевидным, что вместе с заимствованиями в русскую лингвокультуру внедряются «чужие» концепты, способные существенным образом скорректировать существующую систему ценностей – отечественную концептосферу. Еще А.А. Потебня [16, с. 163–164] утверждал, что «язык можно сравнить со зрением. Подобно тому, как малейшие изменения в устройстве глаза и деятельности зрительных нервов неизбежно дает другие восприятия и этим влияет на мирозерцание человека».

К числу концептов, которые на данном этапе межкультурного взаимодействия еще не внедрились в систему ценностей нашего общества, В.И. Карасик [9, с. 218] относит концепт диффамация – распространение сведений, порочащих кого-либо. Дефиниции в Большом толковом словаре русского языка и в Англо-русском юридическом словаре (defamation – клевета) не совсем полно раскрывают значение этого слова и соответственно стоящий за ним концепт. Диффамация – это нанесение ущерба репутации кого-либо путем ложных или клеветнических высказываний, характеризующих этого человека как заслуживающего презрения, насмешки, ненависти или остракизма.

Интересно, что данный концепт не внедрился полностью в отечественную концептосферу не оттого, что не было соответствующей номинации. Слово диффамация употреблял (без всяких примечаний и комментариев) еще А.П. Чехов. Сравните: Все эти русские мореплаватели, химики, физики, механики, сельские хозяева – популярны ли они? Известны ли нашей образованной массе русские художники, скульпторы, литературные люди? Иная старая литературная собака, рабочая и талантливая, тридцать три года обивает редакционные пороги, исписывает черт знает сколько бумаги, раз двадцать судится за диффамацию, а все-таки не шагает больше своего муравейника! («Пассажир 1-го класса»).

Концепт стал актуализироваться с развитием процессов демократизации и гласности, ибо в тоталитарном обществе диффамация через печатные (подконтрольные) органы была невозможна по определению.

Внедрение концепта диффамация в русскую лингвокультуру позволит изменить существующее положение вещей, при котором «важнейшие отличия обиходного представления концепта «закон» в английском языковом сознании заключается в понимании закона как гаранта свободы, в русском языковом сознании – как ограничителя свободы» [14, с. 3].

Как известно, социолингвистические концепции языкового развития оперируют антиномией кода и текста [17; 12 и др.]. Постоянно действующие тенденции в борьбе между собой оказываются стимулами языкового развития. Чем меньше набор единиц, тем длиннее должен быть текст, передающий то или иное содержание, поскольку каждый «квант» содержания может быть передан в большинстве случаев не отдельной единицей (их мало), а комбинацией единиц. И наоборот, чем больше набор единиц, тем короче текст: каждому «кванту» содержания соответствует отдельная единица кода. Типичным примером увеличения кода является заимствование иноязычных слов для передачи понятий, которые без иноязычного слова можно обозначить только описательно. Ясно, что именно этот путь разрешения антиномии кода и текста оказывается преобладающим в начале XXI в.

Ссылки:

1. Агафонова Н.Д. Узуальные иноязычные вкрапления в современный русский язык: дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1994.
2. Блинохватова В.М. Место и значение русского и французского языков в общении дворян-билингвов в России нач. XIX в. // Русский язык и активные процессы современной речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М.; Ставрополь, 2003.
3. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). М.: Л., 1935.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие // Зарубежная лингвистика. Вып. 111. Избранное. М., 1999.
5. Виноградов В.В. История русского литературного языка. М., 1978.
6. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4.
7. Добродомов И.Г. Ростбиф // Русский язык в школе. 2003. № 2.
8. Карасик В.И. Язык социального статуса. М., 2002.
9. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.
10. Кириенко М.Ю. Макароническая речь как функция иноязычных вкраплений: дис. канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1992.
11. Кочетков В.В. Лексико-стилистические новации и их функционирование в прессе второй половины 90-х годов XX века: автореф. дис. канд. филол. наук. Иваново, 1999.

12. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. 2002. № 6.
13. Лузайа-Маминги Роже. Аспекты изучения заимствованных слов в русском языке и оптимизация их лексикографического представления: автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1985.
14. Палашевская И.В. Концепт «закон» в английской и русской лингвокультурах: автореф. дис. канд. филол. наук. Волгоград, 2001.
15. Пешков И.В. Введение в риторику поступка. М., 1998.
16. Потебня А.А. Мысль и язык. Киев, 1993.
17. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968.
18. Сворцов Л.И. Язык – нравственность – культура (к постановке вопроса) // Человек. Язык. Искусство. Материалы международной научно-практической конференции 14–16 ноября 2000 г. М., 2001.

References (transliterated):

1. Agafonova N.D. Uzuval'nnyye inoyazychnnyye vkrapleniya v sovremennyy russkiy yazyk: dis. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 1994.
2. Blinokhvatova V.M. Mesto i znachenije russkogo i frantsuzskogo yazykov v obshchenii dvoryan-bilingvov v Rossii nach. XIX v. // Russkiy yazyk i aktivnyye protsessy sovremennoy rechi. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. M.; Stavropol', 2003.
3. Bogoroditskiy V.A. Obschiy kurs russkoy grammatiki (iz universitetskikh chteniy). M.; L., 1935.
4. Vaynraykh U. Odnoyazychiye i mnogoyazychiye // Zarubezhnaya lingvistika. Vyp. 111. Izbrannoye. M., 1999.
5. Vinogradov V.V. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. M., 1978.
6. Volodarskaya E.F. Zaimstvovaniye kak otrazheniye russko-angliyskikh kontaktov // Voprosy yazykoznanija. 2002. № 4.
7. Dobrodomov I.G. Rostbif // Russkiy yazyk v shkole. 2003. № 2.
8. Karasik V.I. YAzyk sotsial'nogo statusa. M., 2002.
9. Karasik V.I. YAzykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs. M., 2004.
10. Kiriienko M.YU. Makaronicheskaya rech' kak funktsiya inoyazychnykh vkrapleniy: dis. kand. filol. nauk. Rostov-na-Donu, 1992.
11. Kochetkov V.V. Leksiko-stilisticheskiye novatsii i ikh funktsionirovaniye v presse vtoroy poloviny 90-kh godov XX veka: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Ivanovo, 1999.
12. Krysin L.P. Leksicheskoye zaimstvovaniye i kal'kirovaniye v russkom yazyke poslednikh desyatiletii // Voprosy yazykoznanija. 2002. № 6.
13. Luzaya-Mamingi Rozhe. Aspekty izucheniya zaimstvovannykh slov v russkom yazyke i optimizatsiya ikh leksikograficheskogo predstavleniya: avtoref. dis. kand. filol. nauk. M., 1985.
14. Palashevskaya I.V. Kontsept «zakon» v angliyskoy i russkoy lingvokul'turakh: avtoref. dis. kand. filol. nauk. Volgograd, 2001.
15. Peshkov I.V. Vvedeniye v ritoriku postupka. M., 1998.
16. Potebnya A.A. Mysl' i yazyk. Kiyev, 1993.
17. Russkiy yazyk i sovetsskoye obshchestvo. Leksika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M., 1968.
18. Skvortsov L.I. YAzyk – nravstvennost' – kul'tura (k postanovke voprosa) // Chelovek. YAzyk. Iskusstvo. Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii 14–16 noyabrya 2000 g. M., 2001.